

ПАМЯТИ Ю. И. АЙХЕНВАЛЬДА.

Въ Берлинѣ 17 декабря 1928 года внезапно трагически скончался (попавъ подъ трамвой) Ю. И. Айхенвальдъ. Ю. И. Айхенвальдъ приобрѣлъ себѣ широкую извѣстность, какъ тонкій и, быть можетъ, лучший современный литературный критикъ. Главный трудъ его жизни есть извѣстная трехтомная работа «Силуэты русскихъ писателей», въ которой критико-эстетическій анализъ литературныхъ произведеній служилъ средствомъ для синтетической характеристики духовнаго облика творческой личности поэтовъ и такимъ образомъ создана была цѣлая портретная галерея русскихъ духовныхъ типовъ. Здѣсь не мѣсто — да я не считаю себя и компетентнымъ къ тому — давать оцѣнку этому главному содержанію творчества Ю. И. Айхенвальда. Но на страницахъ «Пути» должно быть отмѣчено, что творчество Ю. И. Айхенвальда соприкасалось съ областью религіозной философіи и что сама его личность была проникнута напряженными религіозными интересами. Будучи философомъ по своему первоначальному университетскому образованію, онъ обогатилъ русскую философскую литературу прекраснымъ переводомъ полного собранія сочиненій Шопенгауэра, замѣнившимъ старый, частичный и весьма неудовлетворительный переводъ Фета. Долгое время онъ былъ секретаремъ редакціи «Вопросовъ философіи и психологіи», участникомъ того блестящаго кружка московскихъ философовъ, въ которомъ въ 90-хъ годахъ прошедшаго столѣтія былъ преодоленъ позитивизмъ и впервые намѣченъ выходъ къ метафизикѣ и религіозному осмысленію міросозерцанія (Вл. Соловьевъ, кн. С. Трубецкой, Лопатинъ, Гротъ).

Болѣе существенное, чѣмъ это внѣшнее соприкосновеніе съ русской философской мыслью, собственные религіозно-философскіе интересы Ю. И. Айхенвальда. Не будучи самостоятельнымъ и систематическимъ мыслителемъ, онъ имѣлъ, однако, своеобразное, глубоко утвержденное въ самой его личности, религіозно-философское міросозерцаніе, близкое къ шопенгауэровскому пессимизму, но отмѣченное нѣкоторымъ индивидуальнымъ обликомъ. Онъ вѣрилъ въ божественный міръ идей, въ міръ духа, въ царство Добра и Красоты, и въ этомъ смыслѣ былъ религіознымъ человѣкомъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не вѣрилъ въ реальное могущество этихъ началъ; имъ владѣло

пессимистическое сознание ихъ безсилія передъ грубыми силами зла и міровой слѣпоты. Онъ болѣлъ проблемой зла, разъ навсегда признавъ ее неразрѣшимой; страстный религіозный интересъ сочетался въ немъ съ рационализмомъ, съ неспособностью въ религіозной интуиціи, въ актѣ вѣры. преодолѣть трагическую двойственность между Богомъ и міровымъ зломъ; подобно Ивану Карамазову, онъ могъ сказать, что принимаетъ Бога, но не принимаетъ Божьяго міра. Онъ самъ однажды выразилъ, въ устной бесѣдѣ со мной, свое вѣрующее невѣріе, въ парадоксальной формулѣ: «Богъ не далъ мнѣ таланта вѣры». Онъ принадлежалъ къ тому лучшему типу русскаго интеллигента переходной эпохи, въ которомъ умственное невѣріе сочеталось съ горячей сердечной устремленностью къ Богу. Еврей по происхожденію, онъ всѣмъ существомъ своимъ сроднился съ русской духовной культурой — по крайней мѣрѣ, какъ она воплотилась въ великой русской литературѣ 19-го вѣка, — умѣлъ, какъ немногіе, понимать и сообщать другимъ ея духовную красоту и значительность. Къ литературѣ, къ міру слова, у него было истинно-религіозное отношеніе; онъ выдѣлялъ литературу изъ всѣхъ искусствъ, видя въ ней больше, чѣмъ только искусство; слово было для него откровеніемъ и какъ бы воплощеніемъ божественнаго начала въ человѣческомъ духѣ. Онъ любилъ повторять начальныя слова Евангелія отъ Іоанна «вначалѣ было Слово» и смутно ощущалъ ихъ глубочайшій смыслъ; въ этомъ отношеніи, въ созерцаніи стихіи слова, какъ выраженія духа, онъ преодолѣвалъ свой собственный религіозный философскій дуализмъ и, хотя и односторонне и упрощенно, вѣровалъ въ подлинное Боговоплощеніе.

Но самое цѣнное и значительное въ Ю. И. Айхенвальдѣ было не его міросозерцаніе, а живое конкретное существо его собственной личности. Онъ былъ исключительно нравственно-одаренной натурой, истинно христіанской душой. Безконечная деликатность, мягкость, нѣжная внимательность къ людямъ, чуткость ко всякой несправедливости сочетались въ немъ съ непреклоннымъ упорствомъ въ защитѣ духовныхъ цѣнностей, въ отстаиваніи правды. Въ этомъ мягкомъ и робкомъ интеллигентѣ было что-то благородно-рыцарственное: рыцарствомъ вѣяло отъ его ничѣмъ не сгибаемой принципиальной нравственной стойкости, отъ его вниманія къ нисшимъ, напр. начинающимъ писателямъ, отъ его склонности вставать на защиту всякаго обиженнаго, отъ его романтическаго (въ лучшемъ смыслѣ слова) отношенія къ женщинѣ. Русское дѣло борьбы за духовныя цѣнности, за духовныя начала жизни потеряло въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ и морально привлекательнѣйшихъ своихъ представителей.

С. Ф р а н к ъ.